

Т. И. ОРНАТСКАЯ, В. А. ТУНИМАНОВ

Достоевский Федор Михайлович

<Фрагмент>

Расцвет творчества Д. пал на 60–70-е гг. 19 в., время острых общественно-идеологических и классовых конфликтов в России и Зап. Европе. Д. начинал как социалист, революционер-петрашевец. На каторге, по его собственным словам, он пережил процесс «перерождения убеждений» и возвращения на народную почву, к национальным истокам и корням. Этот процесс, многослойный и противоречивый, получил отражение и в творчестве Д., хотя эволюция Д.-художника, тесно связанная с мировоззренческими переменами, к ним не сводится. Д., особенно в поздней публицистике («Дневник писателя»), в которой консервативные и утопические элементы его мировоззрения выразились в наиболее «монологичной» и обнаженной форме, выступал противником как обуржуазивания, так и революционного изменения «лика» России. Им он противопоставлял почвенническую программу «русского социализма», уповая на мирное, согласное с национальными традициями, преобразование России под эгидой «земского царя», действующего в союзе с основной массой народа и народной интеллигенцией, чистой сердцем и стремящейся к одной лишь правде. Эта сторона мировоззрения Д. вызывала противодействие либеральной, революционно-демократической и народнической критики (наиболее значительными были статьи Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, Михайловского), а позднее и марксистской (Г. В. Плеханов, А. В. Луначарский и особенно М. Горький в статьях «Заметки о мещанстве», «О карамазовщине», резко и с полемическими преувеличениями осудивший рецидивы «достоевщины» в литературе и искусстве начала 20 века).

Чутко прислушиваясь к подземным толчкам вызревающей рус. революции, искренне веруя, что «идея всемирного человеческого обновления» осуществится «в виде божеской правды», «Христовой истины», Д. ожесточенно спорил с революционно-демократической интеллиген-

цией. Одновременно, резко расходясь с радикалами, отвергая насильственные пути и методы переустройства мир, Д. и в их деятельности обнаруживал «народное» начало (Д. писал, вспоминая Д. В. Каракозова, об одном из героев «Бесов» в намечавшемся предисловии к роману: «В Кириллове народная идея — сейчас же жертвовать собою для правды... Жертвовать собою и всем для правды — вот национальная черта поколения. Благослови его Бог и пошли ему понимание правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду» (11; 303).

С христианскими идеалами тесно связаны концепции Д. народа и народности, братства и крестной общины. Он верил, что золотой век человечества еще впереди («люди могут прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле»), — нерушимый фундамент гуманистического содержания творчества Д. В предисловии к русскому переводу романа В. Гюго «Собор парижской Богоматери» Д. писал: «Его мысль — есть основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия... восстановление погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков. Эта мысль — оправдание униженных и всеми отринутых парий общества... Проследите все европейские литературы нашего века, и вы увидите во всех следы той же идеи, и, может быть, хоть к концу то века она воплотится наконец вся, целиком, ясно и могущественно, в каком-нибудь таком великом произведении искусства, что выразит стремления и характеристику своего времени так же полно и вековечно, как, например, “Божественная комедия” выразила свою эпоху средневековых католических верований и идеалов» (20; 28–29). Эти слова Д. с полным правом мог предпослать своему творчеству, в котором нашли свое «полное» и «вековечное» воплощение гуманистические идеи и религиозные искания 19-го столетия.

